

Татьяна БАКАНОВА
**КАРАКУРТЫ ГИБНУТ
В СЕНТЯБРЕ**

Окончание. Начало в № 3, 2024.

Глава 13. Если жизнь закрывает дверь, есть окно

А. Б. собрал группу после выступления. Никто им не предъявил за «не тех артистов», и оставшиеся «каракурты» ожидали похвалы и нового плана работы, но директор приказал всем сидеть по номерам, а недовольным – прямо отсюда ехать по своим интернетам. Повисло молчание. Кто-то спросил про ужин.

– Принесут в номер, – отрезал он, позвал помощницу и велел следить за порядком. Сам же сходил за Никитой и приволок его в комнату к музыкантам: – Развлекайте до моего возвращения.

В номере было две кровати. Ударник и клавишник лежали в обуви поверх дорогого покрывала на «кингсайзе», а на полуторке отдыхал гитарист. Никто не шевельнулся. Телевизор беззвучно показывал велогонку, а музыканты разглядывали каждый свой участок потолка. При других обстоятельствах Никита бы замлел при одном их появлении, как совсем недавно при встрече с солистами. Сейчас он их ненавидел. У него отобрали новый телефон, держат взаперти, а эти кретины валяются тут как дохлые мумии.

Не дождавшись внимания, Никита сел на стул и зацепился взглядом за экран. Спортсмены крутили педали, зрители им махали и что-то кричали. Куда едут, зачем? Их сотня или больше. Все хотят выиграть гонку. Знают же, что первое место одно, а всё равно едут. Едут и на что-то надеются. Зачем люди придумали этот спорт? Какая-то бессмыслица получается. В музыке тоже чёрт-те что творится.

– Значит, они на самом деле сбежали, – нарушил молчание барабанщик. Никита вздрогнул.

– Не зря просили по городу прокатить, сориентировались на местности, а мы, как лошары, ничего и не поняли, – гитарист сел и уставился на него: – Ты-то здесь каким боком?

– Я вообще ни при чём, – вскипел Никита, – я показал, где собаку выгулять, с Арманом майками поменялись, а Питер бейсболку подарил, – каждый сказанный факт он отмечал ребром руки по кровати. – Всё! – Он подался корпусом к музыкантам и развёл руками: что вы мне тут все предьявы кидаете!

– Мы не про это, – клавишник привстал на локтях. – Откуда ты взялся?

– Я здесь работаю, на кухне, – Никита смутился, что отвязался на них ни за что.

Парни оживились.

– Ты не маловат для казино? Как это тебе родители разрешили?

Ненавистный момент, ему никогда не нравилось сообщать, что он сирота.

– Я с бабушкой живу и с братом, – выдавил он из себя, – а остальное не ваше дело.

В телевизоре уже вручали награды. Победитель был счастлив. Его улыбка отражалась в позолоченных боках огромного кубка.

В дверь постучали, помощница объявила, что принесли еду. Знакомый официант вкатил тележку и выставил тарелки на журнальный столик. Ники-

та хотел его попросить найти брата, но помощница ткнула в него пальцем и прошипела сидеть тихо.

Все придвинулись к столу. Перед Никитой сел ударник:

– Ты, это, извини, мы просто сейчас все взвинчены.

Никита примирительно улыбнулся и кивнул на дверь:

– Змеюка.

Покивали, хохотнули. Есть такое. Влюблена в А. Б. и в лепёшку для него расшибётся. Каким-то зельем всё время его пичкает, наверно, привораживает. Надеется, что он на ней женится, а зря, у того мать всем рулит. Они похмыкали. Мать-перемать. Хорошая женщина, их всех деточками зовёт, а из А. Б. верёвки вьёт. Чехлит по полной. Какую фигню новомодную ни увидит, бежит к нему за деньгами, срочно надо, а то до понедельника не доживу. Вот так неделю умирает, потом неделю красоту наводит. Недавно брови наколола. Вся отекала, перепугалась, А. Б. нажаловалась. Тот мастеру звонил, орал дурником, обещал, если что, ему на другом месте брови набьёт.

Клавишник состроил рожу, поиграл бровями вверх-вниз и спародировал маман А. Б.: «Сынуля, там такой массажёр продаётся с импульсами, все застои разбивает. Тебе тоже надо». Она всегда это добавляет. Прикинь-те, если б с бровями всё удачно вышло, пришла б ему показывать, и такая: «Тебе тоже надо».

Обстановка разрядилась. Тарелки опустели, клавишник разлил всем лимонад, и Никита решил, что это подходящий момент узнать, что у них произошло.

– Вас все любят, по телику показывают, в разных городах бываете. Не жизнь, а мечта. Все так хотят.

– Ага, мечта идиота, – барабанщик скривился. – Это со стороны так кажется, что мы в шоколаде. На самом деле всё в руках А. Б. У него доверенности на наши жизни.

– Он не жмотится, – клавишник залпом опустошил стакан лимонада. – Шмотки, еда, телефоны – это точно у нас есть, а вот за зарплаты мы только расписываемся. На руки даёт копейки, всё остальное себе пригребаёт. Называется – откладывает в фонд развития.

Про беглецов они говорили с возмущением и обидой. Считали, что они всех предали. Если брать по-честному, то вся группа на них работала. Альбинка вообще всех на репетициях изводила. Всё ей было не идеально. Сама, кстати, на свою собаченцию постоянно отвлекалась. Достала своими усясьюшками – Арти надо то, Арти надо сё. Скорее всего, это она всех подбила. За месяц до этого они просились участвовать в новом конкурсе, отборочный этап как раз в Алматы проходил, но А. Б. их не пустил. Альбинке и Питеру по восемнадцать стукнуло ещё зимой. Неделю назад и Арман стал совершеннолетним. Вот и получилось, что сразу после его дня рождения все трое объявили директору, что уходят, и потребовали свои документы. Тот вместо документов показал шиш и какие-то контракты, которые весь состав ещё на шоу подписывал. Сказал им, что они должны еще на него год отработать, пока он других раскрутит. Объявил, что у него на каждого есть компромат, чего-то даже показал. Отобрал телефоны. Группа разозлилась, с солистами поговорили откровенно. Они притихли, никто и не подумал, что ненадолго, хотя можно было догадаться, потому что очередной отборочный этап через несколько дней в столице.

Никита скис. Такой расклад ему совсем не понравился.

– У вас как в тюрьме. Что теперь будет?

За всех ответил гитарист:

– Барibasыч разозлился. Подзакрутит гайки на какое-то время. Знает, гад, что нам хоть как с ним лучше, жаловаться не будем и не уйдём – мы друг другу нужны.

– Чего он за ними погнался? Разве что из принципа, занозили они его этим, – клавишник уже выцедил весь лимонад, а теперь вытряхнул кусочки фруктов и по очереди всех их высасывал. – Без них неплохо сегодня выступили, и дальше обойдёмся.

– Я слышал, как ваш Барibasыч по телефону велел их наказать и собаку прибить.

Парни заговорили наперебой. Этого точно не может быть. Прибить? Да не, просто со злости брякнул. Не сможет. Это уже перебор. Тогда всё, и мы уйдём. А. Б. ж не идиот. Тогда всему конец! Какого хрена этим троим не сиделось ровно! Захотели на новый уровень. Лучше бы он их не нашёл. Блин! Блин, блин, блин!

Никита был на их волне. Блин! Что за дела? Такая клёвая группа. Он так к ним хотел. А что теперь? Но Арман и Питер нормальные же? С ними было бы зачётно. Альбинка, как все девчонки, с придурью, ну и пусть, не страшно. Главное, парни его приняли, закентовались. Он им помог сбежать отсюда? Помог! Что, если помочь от Барibasыча ещё раз уйти? Примут к себе? Они ещё не слышали, как он поёт! Должны принять, по всем понятиям должны!

– Как он их найдёт? Они же в любую сторону могли податься.

– Да проще простого! Мобила у каждого первого, всем похвастаться надо, что звезду видели, на одном метре сидели. Отследить ничего не стоит. Да и путей у них немного...

– Их надо предупредить, – Никита решительно настроился спасти солистов.

– Как? Мы без связи, они тоже...

В дверь опять постучали. Пришёл официант за посудой. Никита уже не делал попыток заговорить, зато музыканты начали донимать стоящую в дверях помощницу, что хотят гулять, искупаться, развлечься.

– Алик Барibasович не велел вас выпускать до его возвращения.

– Ага, сам, значит, кого-нибудь подцепил – и на пляж, а мы тут тухнуть должны, – поддел её гитарист.

Лицо помощницы пошло красными пятнами, голова потянулась к ним, и она перешла на свистящий шёпот.

– Как вы смеете! Он ищет этих, неблагодарных. Все вы такие, – она говорила отдельно и на каждом слове издавала удар указательным пальцем по каждому из них. – Вы не помните добра. Сказано сидеть в номерах, вот и сидите!

Никита, как загипнотизированный, следил за её рукой, и резко дёрнулся, когда бросок пришёлся в его сторону. Впрочем, другие тоже не обладали хладнокровием. Помощница резко вытянулась в струнку, поглядела на них сверху вниз, шагнула за порог и с силой захлопнула дверь. Никита почти без чувств откинулся на спинку стула. После такого они хотят сказать, что никому ничего не угрожает?

– Ну всё! Их найдут, их накажут, и собаку... и со мной что-нибудь сделают, – он заглядывал им в глаза и сжимался, сжимался, сжимался.

– Пацан, ты чего, ужастиков насмотрелся? Тебя придержали, чтоб не сболтнул лишнего. Шумиха им не нужна, – ударник потряс его за плечо. – С

нами ничего не будет, и с ними ничего не будет. Вообще, она сказала – ищут. Ещё не факт, что найдут.

– Точно. Я их раньше найду.

Никиту уже отпустило. Он встрепенулся, расправил плечи, глаза заблестели, нога забарабанила по полу.

– Как?

– Как и они, через Интернет. Дадите адрес, где вы живёте? Как думаете, они туда зайдут или сразу уедут? – он тараторил, а сам прикидывал, как же ему сбежать. В коридоре эта гюрза сидит, а дальше охранников поставили, не прорвёшься. Остаётся одно. – Мне надо вниз спуститься, – он кивнул в сторону балкона.

– Четвертый этаж. Хлопай ресницами и взлетай – это вроде не про тебя.

– Не надо взлетать, на третий этаж надо. Оттуда я выберусь.

Они вышли на балкон, а в небе такое! Солнце зашло, а вся даль до горизонта розовая-персиковая и оранжевая, и алая местами, и облака с пылающими краями. «Закат окрасил тёплый летний вечер... ла-ла, ла-ла, ла-ла, па-пам, па-пам»... Ммм-дя... что ещё от музыкантов ожидать. Никита их поправил – осенний.

– Чего?

– Сегодня первое сентября. Осенний вечер.

– Ну да.

Ещё чуток поглазели. Цикады стрекотали от души. По трассе на Алматы мелькали красные огоньки.

– Духотища! Народ с моря возвращается, а мы тут.

Точно, мы ж тут. Оглядели местность внизу. Ни души. Никита без раздумий перелез на обратную сторону. Хотелось как в кино – раз, и там. Примерился и так, и этак. Как они это делают? За что хвататься, куда ногу ставить? Замешкался. Барабанщик с гитаристом тут же затащили его назад.

– Не-не, пацан, давай обратно, грохнешься ещё. Сиди спокойно, может, и денжат получишь.

Но Никиту не так легко было остановить.

– Давайте на простынях?

Вот же настырный! Навертели жгуты, связали, затянули, привязали, проверили, вроде годится.

– А вы как?

– Мы подождём, чем дело кончится. Не в интернат же возвращаться! Если всё нормально будет, то Казахстан ещё услышит «Кара-Куртов».

– Я не про это. Вдруг вас из-за меня накажут?

– А мы чего? Мы не при делах. Уснули, проснулись, тебя нет.

– Не дрейфь, пацан, мы за себя постоим. Смотри, как могу, – и клавишник опять подёргал бровями.

Никита хохотнул. Хорошие всё-таки парни. Жаль, что всё у них как-то не так.

– Я пошёл! – он опять полез через перила.

Гитарист сжал его за запястье одной руки, а клавишник схватил за другую.

– Сразу зацепляйся, узел между ног зажимай и травы понемногу вниз.

Они не отпускали его до последнего, пока не убедились, что всё в порядке. Сколько он спускался? Минуту? Больше? В висках стучало – держись крепко, держись крепко, держись крепко. Свалился на нижний балкон. Всего потряхивает, в ногах дрожь. Врут, всей жизни перед глазами не пронеслось, но страшно было ещё как! Через силу крикнул: «Порядок!», и канат из

простыней улизнул наверх. Есть! От паука ушел. Теперь из казино выбраться и до Алматы добраться.

Глава 14. Сектор «Зеро»

Зеро! Юленька поставила на зелёный сектор и сорвала куш! Пару секунд до этого её внимание металось между Никитой, которого так беспардонно вытащили из-за стола, и шариком. Шарик победил. Медленно, но верно он приближался к нулевому сектору, на который она поставила. Йййеееес! Она заверещала от радости, а подружки подхватили её победоносный визг.

Сразу после ликования начался долгожданный концерт «Кара-Курта». Гости, заряженные на безумную вечеринку, пошли в отрыв с первым же хитом. Даже взрослые поднялись на второй этаж, их манило повеселиться не меньше молодёжи.

В отсутствии Никиты Юленьку обхаживал парень, выигравший белого медведя. После первого танца он представился: «Марк. Легко запомнить, как Марк Твен или как Марк Шагал. Ты чем больше интересуешься – литературой или живописью?» Что за надоедливый чел! Музыкой! «Я интересуюсь музыкой». Молодой человек лишь улыбнулся. «Марк Бернес в своё время был гораздо популярнее, чем этот “Кара-Курт”. Ещё был политик – Марк Аврелий». Да, да, Юленька поняла, что знаменитых Марков целая куча. В ней просыпалась огненная фурия. Парировать было нечем. Хотя один политик тут же припомнился. «А меня зовут Юлия. Юлий Цезарь круче, чем все Марки вместе взятые». Марк снисходительно поднял руки: «Сдаюсь, сдаюсь. Я не собирался соревноваться. Я просто хотел, чтобы такая прелестная девушка обратила на меня внимание». Юленька фыркнула: ну что за идиот, чуть не довёл её. Фурия испарилась, но молодой человек всё-таки получил инструкцию, что делать, чтобы девушка обратила на тебя внимание. Со слов Юленьки, достаточно просто – она подчеркнула это слово раскатистым «р», прррррросто – ухаживать за ней. «Понял. Не желает ли дама пить?» Дама желала, и её подруги тоже. Он приносил им бокал за бокалом, танцевал с ними, развлекал за ужином, сыпал остротами и осыпал комплиментами.

Мама Юленьки выдохнула спокойно. Наконец-то приличный юноша, а не неизвестно кто. Остался ещё один сюрприз, который она хотела преподнести дочери под конец вечера, сразу после того, как подадут торт. Этот мальчик был очень кстати. Решал проблему выбора. Она расспросила мужа, чей это чудесный ребёнок. Он указал на привлекательную пару примерно их возраста, муж был партнёром её мужа по каким-то там делам. Мама Юленьки подошла с бокалами шампанского к маме мальчика и предложила выпить за их детей. Они поболтали, и чуть позже она высказала восхищение достойным воспитанием сына. Такой галантный, такой остроумный, смотрите, девочки от него без ума. Обе мамы умилённо наблюдали за своими чадами.

Никита толкнул балконную дверь. Закрыта. Об этом он не подумал. Глянул вниз – до земли всё так же далеко. Что теперь? Сидеть здесь до утра? Может, крикнуть тем, наверху? Не вариант. Что ж за непруха такая! Впору было зареветь или закурить, но и то и другое он ненавидел. Никита прислонился к стене и через какое-то время стал долбиться об неё затылком и приговаривать: думай, думай, думай. Остановился, обругал себя «психом» и посмотрел на соседний балкон. Прикинул расстояние между балконами. Метра полтора, с места на физре дальше прыгал. Или не дальше? Если что, зацеплюсь. Пре-

жде чем залезть на перила, прыгнул несколько раз от одного конца балкона до другого, настроился. Залез, постоял и спрыгнул обратно. Да ну нафиг. Одни идиоты сбежали, другие бесятся, а я по балконам скачу, как бессмертный. Он так на себя разозлился, что, не раздумывая, подпрыгнул и с разворота врезал пяткой по стеклу. Мелкие осколки посыпались вниз. Вот так, поняли?! Будете знать, как меня закрывать.

Аккуратно встал на пятку. Больно, но терпимо. Козырьком бейсболки обстучал опасные места, просунул руку и открыл балконную дверь. Прислушался, есть ли движение в коридоре. Похоже, на этот шум никто не обратил внимания. Теперь выбраться из казино, и домой! Всех на фиг, на фиг, на фиг.

В голове прокрутилось кино – сейчас он проскользнёт незамеченным в зал на второй этаж, там затеряется среди гостей, доберётся до выхода, и ариведерчи. Больше вы меня не увидите, а не отдадите зарплату, напишу заявление в прокуратуру или выбью остальные окна, вам же хуже.

Первая часть плана получилась идеально. На мальчика, идущего в игровой зал со стороны номеров, никто не обратил внимания, но дальше...

Главная героиня вечеринки только что задула свои пятнадцать свечей на торте. Марк услужливо преподнёс ей бокал настоящего шампанского, которое он стащил из взрослого зала. Юленька, не ожидая такого подвоха, выпила всё залпом. Внутри зажгло, в голове вспыхнул фейерверк, она зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела Никиту.

– Талисман, ты вернулся! – девушка захлопала в ладоши и проскользнула мимо Марка к нему навстречу.

Все гости повернулись к Никите. Вот это разворот! Вместо «слиться с толпой» оказался в центре внимания. На решение задачки «бежать, нельзя остаться» было секунд пять, и Никита их проморгал. Его спасло чудо и диджей. Когда именинница с ходу бросилась ему на шею и прильнула к губам, властелин дэнспола включил какой-то медляк и убрал верхний свет.

Тын-дын. Тын-дын. Тын-дын.

Это моё сердце так бухает или её? Как она приятно пахнет. И нос не мешает. Какая сладкая. Стоял бы так с ней вечность. Надо открыть глаза, наверно, на нас все смотрят. Чёрт! Не хочется её отпускать. Что делать?

Делать ничего не пришлось. Девушка ослабила объятия, опустила голову на его плечо и стала покачиваться в такт мелодии. Никита наконец огляделся. Вокруг танцевали парочки, официанты раскладывали торт по тарелкам, а диджей в наушниках уносился под какой-то движняковый ритм.

– Талисман, ты будешь моим парнем? – она прижалась к его щеке и зашептала на ухо, что всегда мечтала о таком, как он.

От её слов пылали щёки и дрожали ноги. Вместо ответа Никита поцеловал её в висок и ещё крепче прижал к себе. Он так боялся сделать сейчас что-нибудь не то.

– А я тебе нравлюсь? – она заглянула ему в глаза.

– Очень!

Они топтались на одном месте и одаривали друг друга маленькими поцелуями. Никита на секунду оторвался от её губ.

– Я не знаю, как тебя зовут.

– Юлия.

Блин! Фортуна, у тебя странные шутки! Других имён не было, что ли? Ну и ладно. В конце концов, она сама сказала, что мы друзья, а не парочка. Я ни в чём не виноват.

- У нас в классе тоже есть Юлька.
- Нет, нет, я так не люблю. Зови меня, как все, Юленька.

Никита повторял её имя и целовал, целовал, целовал. Их прервали фанфары. Мама и папа Юленьки вошли в зал, как венценосная чета. За ними следом шел официант и нёс подушечку с двумя коронами. Гости повернулись к ним.

Мама объявила:

– Дамы и господа, объявляем короля и королеву. Эта вечеринка посвящена пятнадцатилетию нашей дочери Юленьки. Я думаю, все согласятся с тем, что корона королевы по праву принадлежит ей, а корона короля – её галантному кавалеру. Аплодисменты, господа! Короны для короля и королевы вечеринки!

Мама улыбалась и искала глазами дочь. Гости расступились. Перед родительским взором предстала их Юленька в объятиях незапланированного мальчика. Мама еле удержалась, чтобы не вскрикнуть. Опять этот безродный мальчишка! Откуда он только взялся? Папа не скрывал удивления и открыто разглядывал Никиту. Кто это? Мама прошептала, что потом всё объяснит, а сейчас главное улыбаться. За мной! Они прошли к влюблённой парочке, водрузили им на головы короны, причём Никите прямо поверх бейсболки. Фотограф ринулся запечатлеть очередной значимый момент вечера, но мама остановила его движением руки. Нет-нет. Такого нам на память не надо. Она подала знак ди-джею для минуты победного марша и первая захлопала в ладоши, приглашая остальных гостей присоединиться к овациям. Юленька была счастлива. Она крутилась во все стороны и посылала гостям воздушные поцелуи. Никита, наоборот, остолбенел. Он нутром чуял недовольство её родителей и боялся сделать лишнее движение. Всё, на что его хватило, это кивать головой, как болванчик¹, и улыбаться. Кивал и ругал себя. Дубина, идиот, придурок в короне. Тебя сейчас выпрут отсюда, и будешь знать!

Родители под овации покинули зал, музыка сменилась, веселье продолжалось. Никита готов был стоять так с Юленькой вечность, но мысль, что его опять уволочут за шкуру, не давала покоя. Ему надо бежать отсюда, бежать, бежать. Как же всё не вовремя! Он снял корону и отдал имениннице. Спасибо за минуту славы, но я точно не король. Та, не раздумывая, водрузила её на голову одной подруге, а своей короной украсила голову второй. Под смех и шутки короны пошли по рукам, точнее, по головам.

– Давай выйдем на воздух, – Юля как будто прочитала его мысли.

Он с облегчением выдал, что и сам хотел это предложить, развернулся к выходу и за руку повёл её за собой. Юленька прибавила шагу, ей больше нравилось идти рядом.

– Мой парень – «каракурт». Папа обалдеет, когда узнает, кто ты.

– Мне, кажется, он уже обалдел. Разве ты не заметила? Он был не в восторге.

– Нет, нет. Он просто очень серьёзный. Я ему завтра про нас расскажу.

– Ты всё рассказываешь папе?

– Почти, а ты нет?

– У меня нет папы.

– Ой, прости! Знаю же всё про вас. Ты не обиделся?

– Нет, – Никита остановился перед дверьми. – А я тебе нравлюсь только потому, что «каракурт»?

¹ Болванчик – фигурка, изображающая сидящего божка с качающейся головой.

Юленька замотала головой:

– Не только! Ты мне нравишься сам по себе.

– Понимаешь, мы решили уйти из группы. Сами будем выступать. Так что я сегодня последний день «каракурт», а дальше непонятно кто. Мы едем на конкурс, может, ещё ничего не получится...

Какая гадость – врать вот так бессовестно, когда только что открыли чувства друг другу! Никиту даже подташнивало, но другого выхода он не видел. И вообще, если завтра она передумает, что он её парень, то всё будет неважно, а если нет, то легенду надо заранее отработать, чтоб лишних вопросов не было, а правду он всё равно расскажет.

– Получится. Мой папа всё может, – она схватила его за руку и потащила назад. – Пошли, я тебя с ним познакомлю. Мой парень будет звездой.

Никита упёрся:

– Не могу. Мы сейчас уезжаем. Давай я тебе завтра позвоню, напиши свой номер.

Салфетка с заветными цифрами ушла на дно кармана.

На улице опять целовались. Никита решил провести рукой по её спине, а она обняла его со всей силы. Голова закружилась, качнуло, он еле удержался на ногах.

– Я напишу для тебя песню, все мои песни будут для тебя...

Он опять шептал её имя и целовал, целовал, целовал. Как же трудно с ней расстаться. Протяжный сигнал автомобиля где-то поблизости как клин вонзился между ними. Это был шанс уйти достойно.

– Меня ищут, – он разомкнул её руки и опустил их вниз. – Завтра я тебе позвоню, – и исчез в темноте.

Глава 15. Следующий шанс

Куда всё-таки идти? Вернуться домой и забыть обо всём или рискнуть и найти сбежавших певцов? Найду их и скажу, что не надо мотаться по конкурсам, отец моей девушки всё устроит. Это же удача! Конкурсы проходят часто, и ещё неизвестно, выиграешь или нет, а тут гарантированный успех, такой шанс упускать нельзя. И возьмите меня к себе, четвёртым. Я хорошо пою, кто угодно может подтвердить. Жалко, сотку отобрали, сейчас бы проверил, где они засветились. На трассу надо идти, может, повезёт, доеду с кем-нибудь до Алматы.

Не повезло. Машины, как стая сердитых шмелей, пролетали мимо с гулом и жужжанием. Плюнул и побежал на заправку. Оттуда одна за другой выезжали фуры и газельки, которые возят товар в магазины. Сунулся к одному, другому, его не хотели брать. Один так прямо и сказал, что такие добрые дела потом тюрьмой оборачиваются. Наслышан он про эти подставы. Никита отошел от заправки, выругался на судьбу всеми плохими словами, какие вспомнил, и сто раз обозвал себя идиотом. Засунул обе руки в карманы, нахохлился и побрел в сторону светофора. Иди домой, побыл один день звездой, жди теперь следующего шанса!

Жёлтый свет. Далёкий протяжный сигнал поезда вклинился между вжиками автомобильных тормозов. Ему загорелся зелёный. Никита хмыкнул. Вспомнилось, как гаишники торопили зазевавшегося на перекрёстке водителя: «Едем, едем! Зеленее не будет!» Вот именно. Едем. Поезд – это тоже шанс.

До вокзала они с поездом добрались одновременно. Повезло – пассажирский. Впереди Никиты семенила пожилая женщина с рюкзаком на плечах и сумкой на колёсиках в руках. «Вы на поезд? Давайте помогу, какой

вагон?» Никита уже схватился за ручку сумки и сбавил шаг, чтобы женщина успевала за ним.

– В конец нам, в конец, общий там, – запыхавшись, ответила та.

Пока проводница искала фамилию пассажирки в своей электронной штуковине, Никитка поднял сумку в тамбур и скомандовал подавать рюкзак:

– Какое место?

– Ставь у первого свободного.

– Провожающие, сразу выходим, – крикнула им вслед хозяйка вагона и взяла в руки желтый флажок.

– Спасибо, сынок, возьми вот за труды, – женщина сунула Никите сто тенге. Он хотел отказаться, но понял, что совсем нет с собой денег, и виновато прошептал «спасибо».

Выглянул в тамбур, проводница стояла спиной. Он нажал на ручку двери в переход между вагонами и юркнул туда. Тут же в очередной раз прогремело объявление, что поезд отправляется. Проводница шустро забралась и со словами: «Провожающие, выходим!» пошла вперёд по вагону. Никита выскользнул в тамбур соседнего вагона и, никем не остановленный, побежал в следующую и так шел, пока поезд не тронулся.

Присел на пустое место рядом с военным, который разгадывал кроссворд.

– Можно с вами?

– Сиди, не занят, – тот посмотрел на него поверх очков.

В соседнем отсеке две сестрёнки играли в барышню-мадам. Никита мысленно за ними повторил: «Губки бантиком не делать, чёрный с белым не носить, “да” и “нет” не говорить». Одна спросила: «Вы поедете на бал?», а другая ей: «Поеду». Никита расплылся в улыбке: и я поеду. Военному он сказал, что уже не знает, чем заняться, и напросился решать с ним кроссворд. Тот опять кивнул и прочитал задание: «Древнеримская богиня удачи и непредсказуемости судьбы». Никита от удовольствия хмыкнул. Кто-кто, а он с ней знаком лично. Зовут Юленька – его Фортуна. Военный удовлетворённо закивал. Подходит. А говорят, молодежь ничем не интересуется. Полтора часа хватило, чтобы добить все начатые кроссворды.

На вокзал «Алматы-2» прибыли почти в полночь. В очереди на выход из вагона Никита встал с пацанёнком чуть младше его, который играл в игру на телефоне. Стал расспрашивать о правилах, так и дошли до вокзала, пока мама мальчика не поинтересовалась, с кем он. Никита осмотрелся по сторонам, увидел военного и ткнул в него пальцем. Вон, я с дядей приехал. Мама мальчика выразительно покачала головой. Вот так и доверяй ребёнку родственничкам!

Привокзальная площадь светилась фонарями и просматривалась насквозь. Назойливые таксисты приставали к пассажирам, а те, в основной массе, отказывались от их недешёвых услуг. У Никиты тоже спросили, куда ему. Ему самому интересно, куда ему. Ехал, думал, на месте решит, а вот сейчас словно глаза открылись. Он не знал, что делать.

Пассажиры уходили с вокзала пешком или грузились в машины. Патрульная машина медленно ехала по кругу и ругала встречающих: «Проезжаем, проезжаем. Стоянка запрещена». Странно. Как же людям садиться в машину, на ходу, что ли, запрыгивать? Да ладно, это их дело, а мне-то как быть? Стою, как кукла на витрине. Единственное укрытие – по центру небольшой сквер с памятником. От вокзала к скверу шла пешеходная дорожка и уводила за

собой часть пассажиров. Никита пристроился за парочкой с чемоданом на колёсиках и с независимым видом прошёл с ними до неосвещённого пятачка.

Пешеходный переход дальше вёл прямёхонько к первому жилому дому. Никита обогнал парочку и шмыгнул в темноту двора. Дождаться бы утра в подъезде, но они все закрыты на кодовые замки. Видать, жильцам надоели такие вот желающие пересидеть ночь.

Никитка сел на качели. Она заскулила под его весом, а следом жалобно заручал его живот. Эх, а на кухне сейчас бы перекусил чего-нибудь. Что же делать дальше? Идея была посмотреть, где последний раз видели Альбину и парней и поехать туда. Днём он бы уговорил любого прохожего ему помочь, но ночью прохожих нет, придётся ждать до утра. А если Барибасович за это время их найдёт? Интересно, Лёшка уже знает или нет? Бабуля будет волноваться...

На балконе зажегся огонек от сигареты, мужской голос пробурчал:

– Кто там на нервы действует? Обязательно елозить на этой качели посреди ночи?!

Никита остановился:

– Извините.

– Извините, – его передразнили нарочито противным тоном, – чего сидим, чего высматриваем, вали давай отсюда, пока патруль не вызвал.

Никита встал и послушно пошел в другой двор, там площадка была круче, со спортивными тренажёрами. Он хотел было их опробовать, но подумал, а вдруг они тоже скрипят, и побрёл дальше. Из-под припаркованного автомобиля выскочила кошка и шмыгнула в кусты. Другая наблюдала за ним с капота. Кучеряво они здесь устроились – каждому двору по детской площадке, каждой кошке по автомобилю, а мне и приткнуться некуда.

Следующий дом был угловой. Он отличался от предыдущих и размером, и тем, что на первом этаже не было окон, а только подъезды и пандусы, наверно, с другой стороны магазин. Раньше так делали. У них в городе тоже есть дома со встроенными магазинами, но там теперь всякие детские центры работают или на маленькие закуточки разделено и торгуют всем подряд, а продуктовые магазины сделаны из квартир на первых этажах. От дома пахло то ли затхлостью, то ли чем-то похожим. У Никиты пронеслась мысль, что так пахнет вечность. Может, на самом деле, это старинный дом? Он ещё раз оглядел его. Тускло светились окна подъездов, в остальных чернота отражала блики далеких фонарей. Все спят. Он зевнул во всю ширь души. Сколько сейчас времени? Домой бы и поспать. А он здесь, и спать ему негде.

Из-за дома долетал звук проезжающих машин. Улица. Никита понаблюдал из темноты. Машины едут почти как у них днём, а прохожих нет. Надо посмотреть, что там дальше. Он вышел на хорошо освещённый тротуар.

Вот же засада! Из подземного перехода поднялся патруль и двинулся в его сторону. Только их не хватало. Куда идти? Назад во двор? Прямо на них? Нет, нет. От них. Никита пошел вперёд. Идём, не торопимся. Вышёл в магазин. Ну и что, что ночь. Молоко кончилось. Да, сестренке нужно молоко, мама послала. Нет, не пойдёт, не знаю где магазины. Собака. Да, собака сбежала, вот ищу, не видели? Маленькая.

Глава 16. Мы в ответе за тех, кого выручаем

– Эй, парень. Остановись.

Всё-таки догнали! Может, бежать? Он посмотрел по сторонам и на трех парней в черной униформе. Догонят.

– Ефрейтор Ахметов. Ваши документы. Как зовут?

Никита засунул руки в карманы и наклонил голову, как бык на корриде:

– А чего я сделал?

– Проверка документов.

– Нет у меня документов.

– Сколько лет? Где живёшь?

– Там, – Никита протяжно выдохнул через ноздри и мотнул головой назад, пропустив вопрос о возрасте.

– Почему в ночное время на улице? Пребывание несовершеннолетних на улице без сопровождения взрослых после двадцати двух часов запрещено.

– Мне надо... я ищу...

– Эй-эй, ребятки, потише. Это за мной.

Все обернулись на голос. К ним шёл пожилой сухопарый мужчина с тростью, прихрамывая на левую ногу.

– Владик, внучок, подсоби, передохнуть надо, – свободной рукой он поманил Никиту к себе.

Тот на раз-два оказался под его плечом и развернул бейсболку козырьком вперёд.

– Ну, задержался дед немного. Вот бабка беспокойная. Вы уж простите нас, мы больше так не будем.

– А ваши документы можно? – ефрейтор не собирался сдаваться.

– Да, да, – дедушка дал Никите трость, а сам полез в задний карман брюк и достал портмоне. – Вот, держите.

Ефрейтор вслух прочитал:

– Головин Игорь Алексеевич.

– Всё правильно, а это Головин Владислав Николаевич, мой внук, сын моего сына.

Служивый перевернул удостоверение и продолжил:

– Абылай хана, 15 – это где?

– Это сразу за переходом.

– А почему ты из этого двора вышел?

Никита опустил голову.

– В кусты ходил.

– Чего?

– Ну, припёрло пацана по-маленькому, с вами что, такого не бывает? Целый день топаете по улицам, отливаете же где-то.

– Не бывает, – прервал его патрульный и вернул удостоверение. – На этот раз отпускаем. Советую придерживаться правил...

– Спасибо, сынки, спасибо. Мы будем придерживаться, – дед подтолкнул Никиту вперёд. – Идём дружок, идём, бабка заждалась, поди.

– Идём, деда, – прошептал Никита.

Они отошли на несколько шагов, когда Никита решил обернуться. Патруль шагал дальше по маршруту.

– Дедушка, простите, я не Владик, меня Никита зовут, вы меня спутали, – он опять отвернул козырёк назад, чтобы спаситель его разглядел.

– Владик, Никита, какая разница, главное, мы от них ушли.

– Так вы специально так сказали? – Никита заглянул деду в лицо, тот лишь махнул идти вперёд.

– Долги отдаю. Я в твоём возрасте тоже глупости делал. Добрые люди помогли, не дали на дно упасть. Послушай старика, не шарься ты по ночам. Иди домой. Родители, наверно, с ума сходят.

- Нет у меня родителей, и идти мне некуда.
- Сирота значит, с детдома, что ли, сбежал?
- Нет, я не сбежал, я с бабушкой и братом живу... в Капчагае.

Игорь Алексеевич резко остановился и даже пристукнул костылём по асфальту.

- Как же ты в Алма-Ате посреди ночи оказался?
- Приехал... на поезде.

Дед лишь хмыкнул и развёл руками. Дальше-то что?

- Мне друзьям помочь надо, – поспешил добавить Никита.

Игорь Алексеевич что-то прикинул в уме, осмотрел внимательно Никиту с ног до головы, так, что тот смутился и отошел на шаг назад.

– Ну, пошли ко мне, расскажешь, кого ты тут по ночам ищешь, – и подождал его рукой, чтобы опять опереться. – Как говорил один хороший человек, мы в ответе за тех, кого выручаем. Надеюсь, не обкрадешь меня?

– Я чужого не беру, – Никита с усердием закрутил головой. – А ваша жена, она не будет ругаться?

- Не будет. Один я, пять лет уж.

Никита тоже поделился годами одиночества. У него семь. Тут же прикусил язык. Зачем сказал, к чему? Дед сейчас решит, что он жалуется. Нехорошо. Что он сам так поздно на улице делает? Может, это ему помощь нужна.

- А вы куда ходили, случайно, не в аптеку?

Дед буркнул, что нет, и остановился отдышаться:

– Старый я стал, не спится. Гулять хожу. Обойду пару кварталов, силы кончаются, возвращаюсь и сразу на боковую.

Они дошли до перехода. Никита шагнул уже на ступеньку вниз, но дед махнул ему на дорогу и на зелёный зашаркал напрямик через перекрёсток.

- Есть хочешь?

Вместо Никиты ответил урчащий живот. Макароны с яйцом зашли на ура. Игорь Алексеевич достал кулёк с пряниками и налил две кружки чаю.

- Ну, давай, рассказывай теперь про своих друзей и почему ты их ищешь.

- Это солисты группы «Кара-Курт», знаете такую?

– Куракурт... – хозяин пожал в раздумьях плечами, а потом торжественно изрёк: – Каракурты гибнут в сентябре! – Он поставил кружку на стол и с задором продолжил: – Надо же, какое совпадение – на днях смотрел фильм про этих пауков. Ты знал, что у каракуртов голубая кровь? И паутину плетут не как все, а горизонтально. Представляешь, хаотично так заплетают пространство, почти как ковёр получается. Жертва туда прыг – и всё, не вырваться. Да! А про то, что самка убивает и съедает самца сразу после спаривания, слышал? Её потому и зовут – чёрная вдова. Такие, дружок, у них порядки. А потом все взрослые гибнут, в зиму только молодняк уходит в коконах, да и те, представляешь, жрать друг друга начинают – естественный отбор. – Никита с открытым ртом следил за руками Игоря Алексеевича, который рисовал в пространстве картины паучьей жизни. – Ну, да и бог с ними, прости, я отвлёкся. – От резкого перехода Никита вздрогнул. – Что там с твоими солистами случилось?

Никита в который раз рассказал всю историю.

- Погоди, дружок, так твои не знают, где ты?

Никита помотал головой. Ему вдруг так захотелось домой. Бабуля, наверно, уже волнуется. Часы на кухне деда Игоря показывали два часа, а он со смены в час приходит.

– Так чего ж ты, давай звони брату или бабушке, – хозяин протянул ему свой мобильник.

Никита не спешил его взять:

– Я номера не помню...

– Балда! У бабушки твой, сам же сказал. Его-то помнишь?

Никита обрадовался: точно, балда!

– А что я ей скажу?

Игорь Алексеевич только покачал головой. Молодежь неразумная!

– Что жив и здоров! Звони!

Никита набрал номер и сразу услышал бабушкино «алё».

– Баб, это я!

– Никита, ты где? Я же места себе не нахожу, уже всё передумала, – слышно было, что бабуля шмыгала носом.

Никитка подскочил и затараторил:

– Баб, баб, не плачь, я в порядке, я в Алмате, я завтра приеду. Тут одно дело надо сделать, я тебе потом всё расскажу. Ты не переживай!

– Как в Алма-Ате? Лёша с тобой, он тебя нашёл? Нет, ты один? А звонишь откуда, это же не твой номер. У тебя что, телефон украли? А-а-а-а?! – баба Люба уже подвывала. – Или тебя украли?

– Да не. Ба, ну честно, всё в порядке, я сам приехал. На поезде, – и ему пришлось опять рассказать историю, как он решил стать певцом.

Из трубки доносились охи и ахи. Когда Никита дошёл до того места, что сейчас он в доме одинокого мужчины, который гуляет по ночам, до Игоря Алексеевича донеслось слово извращенец. Никита перешёл на шёпот.

– Ба, ты чего, он же телефон дал позвонить и от патруля меня спас.

Бабушка не успела договорить, что знает она таких добреньких, как Никитин спасатель забрал у него телефон.

Игорь Алексеевич сразу ей так и сказал:

– Доброй ночи, уважаемая Любовь, простите, не знаю как по батюшке.

– Андреевна, – сухо ответила та.

– Андреевна. Хорошо. Так вот, Любовь Андреевна, могу вас заверить, я точно не извращенец. У меня была жена, есть сын, и даже внук.

Баба Люба ответила, что так каждый может про себя сказать, а она его не знает и верить просто так не собирается.

– Так я представляюсь. Головин Игорь Алексеевич, 48 года рождения, вдовец, – и далее он, почти как на исповеди, изложил ей достойные факты своей биографии.

В конце разговора он уверил её, что до утра Никиту никуда не отпустит и сам отправит домой автобусом.

Баба Люба заспорила:

– Нет, нет, не отпускайте его, за ним приедет брат. Диктуйте адрес.

На этом они попрощались. Дедушка опять сел за стол и отхлебнул остывший чай.

– Голос похож, как у моей жены, такой же мягкий. Сколько твоей бабушке лет?

Никита слышал весь разговор и уже понял, что до артистов ему опять не добраться. Он враз разозлился и резко ответил:

– Какая вам разница? – но сам задумался. – Шестьдесят четыре... вроде...

– Вроде! Такое знать точно надо, родные же люди.

Никита фыркнул. Дед молча убрал со стола и кивнул Никите идти за собой в комнату.

– Как ты солистов этих искать-то собирался?

Никита встрепенулся: неужели он его отпустит? А бабушку заверял, что нет.

– В Интернете хотел посмотреть, они же популярные, может, кто их сфоткал по дороге, обычно хештеги ставят ещё. Адрес тоже знаю, но они туда навряд ли пойдут.

Игорь Алексеевич подошел к письменному столу и включил ноутбук.

– Хештеги. Ну давай, посмотрим.

– А вы знаете, что такое хештеги? – Никита так удивился, что даже слова стал растягивать.

– Я, дружок, от жизни никогда не отставал, а на пенсию вышел, так через Интернет ещё и зарабатывать стал. Знаешь, что такое нумерология? – И на протяжное Никитино «н-е-е-е-т» только прищёлкнул языком.

– Сейчас покажу. У меня и сайт свой есть, и страницы в социальных сетях.

– Здорово, я тоже сегодня много где зарегистрировался.

– Да? А мы тебя сейчас найдём. Как тебя полностью зовут?

– Никита Мальцев.

– Ага, вот и ты. Это кто с тобой, подружка?

– Нет, одноклассница.

– Хорошенькая. Ты ей нравишься. – Никита фыркнул. – Чего ты так, не веришь? Видишь, как она с тобой светится. Ей хорошо от того, что просто ты рядом, такой, как есть. Это не спрячешь. Моя Ниночка тоже вся лучилась, когда мы с ней встречаться стали. Как сейчас это вижу. Бежит мне навстречу, улыбается, а мне так горячо внутри, что в горле пересыхает. Слово сказать не могу. Ручку её возьму и наглаживаю, а она как лампочка сиять начинает. Так всю жизнь по ручке её и гладил.

От такой искренности у Никиты засвербило в носу, и он шумно выдохнул.

– Скучаете без неё?

– Скучаю, а как же. Мы же сорок лет вместе прожили. Я тут недавно понял, что вместе с ней из моей жизни радость ушла.

– Как это?

– Как тебе объяснить. Знаешь, мы танцевать любили. В молодости понятно, на танцы в парк бегали, потом ребёнок рос, работали много, не до того стало, только в компаниях по праздникам. А вот повзрослели совсем и поняли, что не хватает нам этого. Тут повыше гостиница была, а при ней ресторан. Так мы по субботам стали туда ходить. Возьмём по бокалу шампанского и танцуем, танцуем. Всё было в радость, каждая мелочь. А не стало её, и мир потух. Понимаешь? Нет ещё, наверно.

Никита промолчал, только лоб от напряжения бугорками пошёл.

– Ладно, хватит об этом, вот смотри, а это мой сайт.

Он спросил у Никиты дату рождения и ввёл её в поле на экране. Там сначала появился круговой таймер с обратным отсчетом, а потом длиннущий текст.

– Сейчас мы про тебя всё узнаем, – Игорь Алексеевич надел очки. – Ух ты! Три семёрки в матрице. Да ты у нас везунчик! Добьёшься в жизни всего, что захочешь. Удача за руку с тобой по судьбе идёт.

– Д-а-а-а? Я везунчик? – Никита посмотрел на деда как на сумасшедшего.

– А ты вот вспомни, было такое, чтоб твои желания не исполнялись?

– Так я ничего особенного и не загадывал. Разве что телефон. Только подарили мне его утром, а вечером отобрали. Вот вам и везунчик.

– Запомни – чужое твоим не будет, а твоё к тебе всегда вернётся, так что – не переживай.

– Было, было ещё, – перебил его Никита, – я всегда хотел, чтобы меня отец нашёл, и чтобы меня на конкурс отправили, я в школе на всех мероприятиях пою, грамоты дают, и на этом всё. Сегодня думал, что мне шанс выпал к «Кара-Куртам» попасть, и тут же полный облом. Везунчик, ага, как же! У вас вот сию. Хоть в этом повезло. Мог бы в полиции.

Игорь Алексеевич выждал, пока Никита выговорится, и спокойно продолжил.

– Вот! Ты уже видишь, как судьба к тебе благосклонна. Я ж тебе не говорю, что твои желания должны по щелчку исполняться. У всего есть своё время. Ты вот про конкурсы говорил, но ты же хочешь не просто участвовать, а непременно выиграть. Правильно? Твой конкурс к тебе придёт именно в тот момент, когда ты будешь готов победить. Должны совпасть все условия. Понимаешь меня?

Никита нехотя кивнул, у него как-то враз кончились силы, он весь обмяк, прильнул к столу и слушал деда с полуопущенной головой.

– О, дружок, да ты засыпаешь, пойдём-ка, я тебя на диване уложу.

– Не-не, я норм, давайте поищем их.

Тот уже принёс подушку с одеялом и подтолкнул его к дивану.

– Иди-иди, приляг на пару часов, я сам поищу. Скоро утро, автобусы начнут ходить. Я тебя разбуджу.

Сопротивляться не было сил. Часик посплю, разрешил себе Никита, а потом пойду их искать. И он провалился в сон.

Глава 17. Наперегонки

Проснулся в шесть. Гостеприимный хозяин спал в кресле, на столе перед компьютером лежал листок, исписанный указаниями времени и мест, где побывали «Кара-Курты». 17:00 – Капчагай, 18:20 – «Мега» на Сейфулина, 18:40–19:10 – в такси, 19:13 – у ночного клуба, и дальше – в клубе, в клубе. Последняя запись была час назад всё в том же клубе, в самом низу был адрес, этот же адрес был открыт на странице с картой-навигатором. Перед ней на вкладках он увидел значки всех известных ему соцсетей. Никита с уважением посмотрел на старика. Надо же, шарит! Кликнул на карту и через мгновение увидел маршрут до этого клуба. Пешком далековато будет. Карта показала все варианты, как до него добраться. Ляпота! Как сказал бы Печкин – до чего техника дошла. Автомобиля нет, его пропускаем, а вот автобусы – это вариант, и даже троллейбусы. Никитка поигрался непривычным словом. Произнёс его на иностранный манер – тролэйбассс, бас – на английском автобус, а что троллей обозначает? А то и означает – автобус для троллей! А ещё бас в казахском языке есть. Можно «главный» перевести или «голова». Тогда троллейбус – это главный тролль. Как ни крути, буду сегодня троллем.

Он посмотрел на похрапывающего деда. Будить точно не стоит, кто его знает, вдруг уже передумал отпускать и заставит бабулю дожидаться. Никита так рисковать не мог. Спасибо, как говорится, за помощь, но дальше мы сами. В последний момент решил нацарапать на бумажке благодарность и прокрался на цыпочках к выходу. На маленькой полочке под зеркалом лежали портмоне, ключи, расчёска и небольшая расписная плошка с мелочью. Секундное колебание «взять – не взять» перевесило в сторону взять. Загребая мелочь в кулак, Никита успокаивал себя тем, что это взаймы, завтра же всё вернёт, а сегодня ему очень надо. Вообще, он был на тысячу процентов уверен, что если бы дед не спал, то сам бы ему денег предложил.

Вот что значит мегаполис! Раннее утро, а на улице уже много и машин, и людей. Нашлось у кого спросить и про остановку, и про как доехать. Деньги пригодились сразу же – водитель через громкоговоритель требовал оплатить проезд и даже сообщил, что всех пересчитал.

Никита занял место за водителем и сразу уставился в окно. Всё было не таким, как дома. Каких-то шестьдесят км, а как будто в другую страну приехал!

Троллейбус ехал по проспекту Абылай хана. За окном мелькали великолепные здания былой эпохи и нового времени, парки, скверы, фонтаны, площадь, и всё это на фоне высоченных гор. Никита бросил взгляд в салон. Увы, его радости никто не разделял, остальные пассажиры все как один смотрели в экраны телефонов. Эх вы! Такое пропустить.

Троллейбус свернул рядом с красивым стеклянным трёхэтажным зданием. На втором этаже были хорошо видны ряды стеллажей с книгами. «Национальная библиотека Республики Казахстан» – прочитал Никита на фасаде. Ого, какая громадная. Интересно, туда всем можно заходить? Он бы сходил.

Так, теперь надо внимательно слушать остановки и смотреть в оба, чтобы приметы не пропустить. Ну вот и приехал. Постоял немного, огляделся. Сказали, повернись к горам, переходи на другую сторону дороги и пройди метров триста, там и увидишь.

Так всё и получилось. Вывеска ночного клуба обещала танцы в разноцветных пузырьках. Никита дёрнул дверь на себя. Охранник оторвался от смартфона:

– Закрыто.

– Я знаю. Скажите, а никого не осталось? Я друзей ищу, они у вас были, может, знаете, группа «Кара-Курт»? В такой же одежде, как у меня, и девушка с собачкой?

Охранник внимательно его оглядел и удовлетворённо кивнул головой.

– Да, всю ночь у нас просидели. Народ заводили. Уехали недавно.

– Блин, опоздал! – Никита с досады врезал кулаком по стене.

– Догнать ещё можешь. Они на Сайран¹ поехали, я сам им такси вызывал, их автобус в 8 утра отходит. Гони туда.

Никита кивнул и, как по приказу, развернулся и рванул на улицу. Дверь, тротуар. Стоп! Легко сказать – гони. А куда??? Где этот Сайран? Он уже хотел вернуться, но тут на стоянке перед клубом со скрежетом затормозил крузак и из него вышли Барибасыч и их начальник охраны. Твою ж налево! Эти тоже по следу идут. Никита сиганул за кусты и в полуприсяде припустил в сторону остановки. Учитель физры сейчас бы им гордился.

Первый встречный объяснил ему и про Сайран, и про дорогу туда. Выходило, что быстрее всего ему добраться на метро до станции «Москва», а там или бегом вниз, или сесть на любой автобус.

Игорь Алексеевич сказал ему ночью, что он везунчик. Он с ним поспорил, но сейчас признал его правоту. За один день ему удалось прокатиться на поезде, троллейбусе и метро – это и правда везение. Теперь бы обогнать тех гадов.

Проход к поезду метро выглядел как начало квеста. Тревожная рамка, полицейские, аппарат для просвечивания сумок. Почти все пассажиры там задерживались, дожидаясь сумки с рентгена. Никита опять не удержался и

¹ «Сайран» – международный автовокзал. Расположен вблизи одноимённого водохранилища в городе Алматы на реке Большая Алматинка. Водоём создан на месте бывшего карьера по добыче пескогравийных материалов.

немного поглазел на экран. Потом квест продолжается. Купить жетончик, опустить его в прорезь на стойке турникета, створки открылись, проходишь – и вот ты на следующем уровне. Впереди движущаяся лестница вниз. Эээээм... как же она называется? Только подумал, как в объявлении сказали – стойте с правой стороны эскалатора... Никита вцепился в такой же подвижный поручень и вертел по сторонам головой – реклама заманчиво обещала красивую жизнь! Дамы и господа, внимание, приближается земля. Готовимся к катапультиации. Три, два, один – низ. Жмём кнопку сохраниться, идём дальше. Дальше оказался только коридор и перрон. Какие люстры громадные! Красиво здесь. А выходов к поездам-то два. Мне на какой? Спросить или догадаться? Сначала второе. На стене поезд с названием станций. Вон «Москва». На той стене точно такой же. В чём подвох? Понял. В разных направлениях. Электровоз как стрелку сделали. Значит, мне сюда. Проверяем. Тётенька, мне на станцию «Москва» надо. Правильно? Отсюда ехать? Улькен рахмет!¹ Часы показывают обратный отсчет, пошла последняя минута. Ждём.

Потянуло сквозняком, вслед за ним из тоннеля вырвался шипящий шум, свет и сам состав. О, голубой вагон бежит, качается. Он цельный! Сколько дверей. Тётенька, тётенька, я за вами. Ух ты! Мы внутри подземного червяка. Ура! Поехали. Это не метро, это многоуровневый портал в подземный мир.

Класс! Хочу! Хочу жить в Алматы! Эй, ты, там, кто отвечает за мои желания? Слышишь меня? Я готов. Ему показалось, или на самом деле кто-то ответил: «Сам отвечаешь»?

Следующим транспортом был автобус. Переполненный. Народ уже проснулся и спешил по своим делам. Вот это другое дело! Ехать в тесноте было привычно и обошлось без билета. Отсчитал остановки, но на всякий случай переспросил: «Сейчас “Сайран”? Автовокзал». Добрые люди со всех сторон подтвердили: «Да, да, выходи».

Никита вырвался из душного автобуса, но сразу попал в жаркое пахучее придорожное марево. Десятки, нет, сотни автомобилей в минуту оставляли за собой специфический угарный шлейф, который под теплом утреннего солнца обволакивал всё вокруг и вонял, вонял, вонял. Ф-е-е-е-е. Где наша капчайская свежесть? Глоточек живительного воздуха сейчас бы не помешал.

Автовокзал нашёлся сам по звукам громкоговорителя сразу за деревьями. Громадный, стеклянный, красивый, и никак по-другому. Хоть бы я первым их нашел! Кого б спросить? Люди, ау, вы где? Внутренний двор пуст, не закрыто же? Перескакивая через ступеньки, он взлетел к стеклянному входу.

– Вот вы где, все внутри, – он отдышался, потянулся за ручкой двери, да так и застыл на месте. На следующей двери со словами: «Внимание, розыск» висела его фотография.

Если бы от кипения мыслей можно было бы испариться, Никита сейчас бы исчез. Как так-то? Чего делать? Рвать отсюда или искать «Кара-Куртов»?

Он еще раз оглядел зал. Народ стоял и сидел кто группками, кто поодиночке, внимания на него никто не обращал. Сдался я им! Кепку глубже натянуть, и вперед.

Только он зашел, как тут же увидел Альбину. А-а-а-а-а! Я везунчик! Он помахал ей рукой и двинулся навстречу. Девушка не отреагировала. Странно,

¹ Улкен рақмет (каз.) – большое спасибо.

а где собака? Вдруг позади неё показалась ещё одна Альбина, повыше первой. Никита тормознул. Я что, того, с ума сошел? Он оглянулся и увидел, как у входа остановилось такси и из него вышли ещё две Альбины и Питер. Они ткнули пальцем в него и, переговариваясь, шумно зашли в зал ожидания.

– Я думала, ты настоящий Арман, – одна из Альбин запросто завела с ним разговор, – издали прямо не отличить. Где их прикид раздобыл?

Это оказались совсем не «Кара-Курты», а переодетые фанаты группы. Две первые Альбины тоже подошли к ним.

– Салам, народ. А где все собираются? Мы на втором этаже были, там бутики, а настоящих «Кара-Куртов» что-то нигде не видеть.

– Говорили, сбор у автобуса, – отозвался лжеПитер, – пошли вон туда, на выход.

На странных подростков стали обращать внимание, кто-то снимал на камеру. Дежурный полицейский тоже проявил интерес и выбрался из своей каморки. Он оглядел их на предмет нарушения порядка, но быстро понял, что никакой опасности они не представляют. Хотя... Что-то его насторожило.

Он махнул им рукой:

– Ну-ка, постойте-ка, вы чего все в чёрном, сатанисты, что ли? Документы есть?

Девчонки шли впереди, послушно к нему повернули и издали пустились в объяснения:

– Дяденька, вы чего, мы поклонники группы «Кара-Курт», знаете такую? Пришли их проводить, они через полчаса уезжают. Они конкурс двойников объявили.

Вся группа остановилась метров за пять до полицейского, готовые пойти дальше. То ли блюститель порядка успел каким-то образом вызвать подкрепление, то ли по совпадению, но из одного из выходов к автобусам показался патруль и направился в их сторону.

– Не знаю никаких «Кара-Куртов», – отрезал он, – покажите-ка мне свои лица. Кто-то из вас тут косячный, меня еще чуйка ни разу не подводила. Так, ты, – он ткнул пальцем в Никиту, – иди сюда, я тебя точно где-то видел.

Двойники Альбины и лжеПитер резко отскочили от Никиты в сторону и заверещали:

– Он не с нами, мы его в первый раз видим, отпустите нас...

Полицейский отмахнулся от них и шагнул к Никите. Никита шагнул от него.

– Стоять! – прорычал полицейский и впёрся глазами в Никиту.

Тот дёрнул головой и опять шагнул назад. Все близстоящие замерли, и только патруль приближался строевым шагом. Полицейский приготовился подать им знак, чтоб заходили кругом за строптивного пацана, как через весь зал прогремело:

– Держите их!

Всё пространство пришло в движение. Пассажиры повскакивали с мест, девчонки-не-Альбинки завизжали, Никита бросился к ближайшему выходу, за ним полицейский, патрульные и фанаты между ними, а следом нёсся Алик Барibasович и начальник охраны казино.

Глава 18. Нежданные гости хуже

В это же время в квартире нумеролога раздался первый звонок домофона. Сонный хозяин довольно-таки долго соображал, почему какая-то женщина требует, чтоб он открыл ей дверь и выдал какого-то Никиту с Кап-

чагая. Прозрение наступило неожиданно. Точно, он же спас от полиции сбежавшего из дома мальчишку. Дед открыл дверь, а сам пошёл будить ночного гостя. Вот молодежь! Хотел ночью бежать, спасти друзей, а сам дрыхнет, звонка не слышит.

Баба Люба застала его посреди коридора с запиской в руках.

– Где мой внук? – грозно спросила она с порога и тут же закашлялась. Подъём на третий этаж забрал её последние силы.

– Он ушёл, – растерянный Игорь Алексеевич протягивал ей записку.

Бабушка прижалась к косяку и стала медленно оседать вниз. Игорь Алексеевич рванул ей на помощь.

– Что вы, голубушка, что? Плохо? Сердце? Таблетки есть? Пойдёмте, пойдёмте.

Ему пришлось поднапрячься, чтобы дотянуть её до дивана, на котором провёл ночь Никита.

– Воды, – наконец прошептала баба Люба, сама откинула смятое постельное бельё и свалилась на диван.

Игорь Алексеевич засуетился вокруг нежданной гостьи. Напоил, подушечку под спину подложил, одежду на ней поправил, постельное собрал, унёс, и всё время оправдывался и оправдывался. Виноват-с, не досмотрел. Вот здесь он спал, а я в кресле сидел. У меня бессонница, а тут сморило, не слышал, как он ушёл. Видите, вот, благодарит за помощь, с ним всё в порядке было, я его накормил, спать уложил, из рук в руки передать хотел...

Баба Люба схватилась за сердце и закатила глаза.

– Что, скорую? – окончательно перепугался дед.

Она замахала на него рукой:

– Ну просила же, придержи-ы-ы-ы. Вот где его теперь искать?

Не успел хозяин ответить, как опять зазвонил домофон.

– Сейчас, сейчас, всё расскажу, я ж всё узнал, – пропел он ей и посеменил к дверям. – Да что ж такое, кто там ещё?

– Головин Игорь Алексеевич? Откройте, полиция!

Ничего не понимающий дед нажал на кнопку «Открыть», и по подъезду дробью застучали казённые каблукы.

В дверь ввалился ночной наряд и два полицейских. Один из них держал в руках листовку с точно таким же портретом Никиты, как и на дверях автовокзала.

– Вот, – отрапортовал знакомый ефрейтор, – этот гражданин представился его дедом и забрал с собой.

Остальные патрульные кивали на каждое его слово.

– Подтверждаете? Мальчик у вас?

– Да, то есть нет.

Игорь Алексеевич растерялся, как ему правильно ответить.

В это время баба Люба сделала попытку встать, но не удержала равновесия и опять плюхнулась на диван. Игорь Алексеевич дёрнулся на шум, ближайший патрульный с криком «Стоять!» прижал его к стене, а остальные ломанулись в комнату.

Баба Люба заверещала:

– Я здесь, я здесь, здесь, – и опять схватилась за сердце.

Один из полицейских дал команду тащить в комнату деда, второй показал жестом проверить квартиру, а сам встал над бабой Любой и так же жестом предложил повторить за ним медленный вдох-выдох через собранные в трубочку губы. Баба Люба смотрела на него, как бандерлоги на питона

Каа¹ и послушно повторяла. Вдох-выдох, вдох-выдох. Патрульные доложили, что в доме больше никого нет. Игоря Алексеевича усадили рядом с бабой Любой. Он тоже придавил рукой грудь с левой стороны, и следующие вдох-выдох они делали уже втроём.

– Держи их, держи! – вопил А. Б. и сбивал на ходу зевак.

Никита выскочил к автобусам и помчался вдоль длинной стоянки. Вот же он орёт!

Только в двух местах толпились люди. Возле первого автобуса никого похожего на певцов не было. Сил бежать уже тоже не было, но топот сзади и окрики «Стой!» гнали вперёд. Четыре автобуса осталось. Беги, Никитос, беги!

На шум выглянули пассажиры из последнего автобуса. Никита узнал настоящих Питера и Армана и замахал им руками:

– Бегите, там Барибасыч!

Следом за певцами вышла толпа подростков, кто в костюмах «Кара-Куртов», кто просто так. Никита врезался в плечо Питера и тут же оказался за его спиной.

– Это не я их привёл, они сами вас нашли, а я пришёл сказать, что не надо ехать на конкурс. Я нашёл, кто вас поддержит, – он дёргал Питера за руку и старался перекричать гудевшую толпу.

– Успокойся, пацан. Сейчас во всём разберёмся.

К ним пробралась Альбина с Арти. Пёсик грозно лаял на патрульных и подоспевшего директора группы и начальника охраны. Не-Альбинки и якобы-Питер гордо присоединились к армии фанатов. Дежурный полицейский стоял в сторонке и передавал по рации, что требуется подкрепление – на автовокзале несанкционированное сборище молодёжи в чёрной одежде.

Алик Барибасович тяжело дышал и тыкал в сторону стропливой троицы:

– Вы, вы, вы... – ему так хотелось наорать на них, обругать на чём свет стоит, но большинство фанатов уже достали свои мобильники и направили на него камеры. Если будет скандал, то ничего хорошего после ждать не приходится. Начнутся всякие разборки, проверки. Того и гляди прикроют группу или просто-напросто турнут его оттуда.

– Вы забыли свои документы, – наконец выговорил он. – Нельзя же быть такими растяпами. Обо всём мне приходится думать.

Толпа замолчала. О чём это он? Быстрее всех сообразила Альбина.

– Ой, точно. Я же забыла конверт с документами и деньгами, – она бросилась обнимать Барибасыча одной рукой, а во второй всё так же тьякал верный Артик. – Что бы мы без вас делали! Там же вся наша зарплата была, правда, Артемоша?

Она отцепилась от директора и тут же стала тискать свою собачонку:

– Ты рад, что нас нашли? Ты рад, что принесли денюжки тебе на вкусняшки?

Она прижала к себе питомца и одарила всех своей ослепительной улыбкой. Питер ткнул в бок Армана и подтолкнул его к боевой подруге.

– Во даёт Альбинка, соображает на ходу.

Под бурные аплодисменты Алик Барибасович достал из внутреннего кармана толстенное портмоне и выдал Питеру три удостоверения личности, а Арману приличную пачку наличности.

Под объявление о задержке автобуса рейсом Алматы – Талды-Курган на автобусную стоянку с сиренами вырулило несколько полицейских машин.

¹ Бандерлоги и питон Каа – герои «Книги джунглей» Редьярда Киплинга.

Фанаты загалдели. Начальник охраны замахал руками: «Нет-нет-нет», достал удостоверение и побежал к дежурному полицейскому. Никто не слышал, о чём они говорили, но все видели, как полицейский ткнул пальцем в толпу, а начальник показывал что-то на экране телефона. Потом они пожали друг другу руки, дежурный пообщался по рации, сирены замолчали.

В это же время Никита подробно рассказывал Арману и Питеру о новых возможностях в их карьере и без всякого там конкурса, а директор группы спросил Альбину, почему они едут в Талды-Курган вместо столицы. Возле них грели уши несколько любознательных фанатов, которые по секрету потом всем всё рассказали.

– Я хотела показать ребятам свой дом, познакомить со своей семьёй, – ответила Альбина. – Они бы помогли нам добраться до столицы.

– Дом? У тебя же никого нет, – искренне удивился директор.

– Есть. У меня есть три мамы и восемьдесят братьев и сестёр. Я соскучилась по ним, – у неё блеснули слёзы, она опустила голову к собаке и отвернулась от всех. Барibasыч обречённо махнул рукой и пошёл к дежурному полицейскому.

Все представители власти выстроились в ряд перед диваном.

– Медицинская помощь нужна?

Старики замотали головами, в ту же минуту баба Люба начала музуть хозяина квартиры.

– Ах ты сволочь. Порядочным прикинулся, а сам... – Она схватила его за плечо и затрясла: – Где мой внук, что ты с ним сделал?

Полицейские оттащили её от старика. До слуха Игоря Алексеевича донеслись слова патрульных, что попался маньяк. В глазах помутилось, всё, что он мог делать, это выставить перед собой руки и беззвучно открывать рот.

– Погодите, погодите, вы кто? – спросил бабу Любу полицейский Каа.

Баба Люба уже выла в голос и причитала. Из её слов кое-как разобрали, что её внук сегодня ночью был в этой квартире и звонил ей, а она говорила не верить всяким проходимцам. Полицейский развернул листовку и показал ей портрет. Баба Люба схватила листок и прижала к себе. Да, да, это её внук Никита. Что с ним? Каа ответил, что ночью пришла ориентировка на розыск мальчика, а здесь они потому, что патрульные его видели с этим гражданином, который представился его дедом, а мальчик это не отрицал. Ефрейтор Ахметов добавил от себя, что дедушка называл мальчика совсем другим именем. Услышав это, Игорь Алексеевич громко застонал, но ефрейтор продолжал, он сказал, что проверил у гражданина документы и запомнил его адрес.

Каа приказал принести стакан воды для хозяина квартиры.

– Игорь Алексеевич, вы в порядке? Ещё раз спрашиваю, где мальчик?

– Я не знаю, – простонал тот и развернулся к бабе Любе: – Я же вам уже объяснял, он сбежал, когда я спал, – и отодвинулся в самый конец дивана. – Вот так помогай людям, чуть душу из меня не вытрясла.

– А что мне думать? – возмутилась баба Люба. – Эти, – она бесцеремонно ткнула пальцем в сторону полицейских, – про мальчика там говорили, и моего ты ночью пригрел, я и сложила два плюс два. Кто ж знал, что и они за Никиту с тебя спрашивают.

Патрульные сбились в кучку, один постучал пальцем по виску, дескать дурдом отдыхает, второй поддакнул – программа «нарочно не придумаешь».

– Кто знал, кто знал... – съязвил дед. – А разобраться для начала?

– Граждане, – прервал их полицейский, – не отвлекаемся. Мальчика искать надо?

– Надо! – хором ответили старики.

– Знаете, где он может быть?

Любовь Андреевна вопросительно уставилась на нумеролога.

– Примерно, – ответил тот, глядя ей в глаза.

Она фыркнула. Соловьём тут пел, что знает всё. Скользкий всё-таки тип.

– Поясните.

Пояснить не дал новый звонок домофона. Оживились все.

– Может, это он? – Дед со скрипом поднялся с дивана и под конвоем шаркал к двери. – Кто?

– Это брат Никиты, бабушка сказала, он у вас.

Дед простонал. Кто бы мог подумать, что от мальчика с такой прекрасной матрицей судьбы будет столько проблем. Вот уж правду говорят – не делай добра... и он открыл дверь очередному гостю.

Когда Алексей вошёл, то в первую очередь увидел, как двое полицейских выводят из комнаты его бабушку, а патрульные прижали к стенке старика.

– Бабуля? Э! А ну отпустили её! – Его лицо залилось краской, и он головой вперёд двинул на полицейских. – Убью гадов!

– Стоя-я-я-ять! – закричали все.

Громче всех орала баба Люба. Двое патрульных навалились на Алексея сзади. К удивлению полицейских, бабулька, которая пару минут назад ели передвигала ноги, уже вцепилась в руку одного из них и пыталась отцепить от парня.

– Лёша, Лёшенька, успокойся, они Никиту ищут, – причитала баба Люба. – Отпустите его. Это внук, внук мой, старший. Он не понял, он больше не будет.

Лёха уже и сам понял, что он чего-то не понял, и перестал вырываться.

Патрульные ослабили хватку, но не отпускали.

– Всё, всё, мужики, не разобрался, прошу прощения.

Каа махнул отпустить его, спросил с Алексея документы и по какому поводу он здесь. Лёха по стойке смирно доложил, кто он, и что ночью сбежал его брат Никита Мальцев четырнадцати лет, а он подал заявление на его розыск. Сюда он приехал, потому что позже бабушка рассказала о звонке и сообщила адрес.

– Где Никита? Нашли? – обвёл он глазами присутствующих.

– Нет, – ответили все.

– Этот вот, – баба Люба махнула в сторону хозяина квартиры, – проспал его.

– Позвольте! – возмутился Игорь Алексеевич. – Я вам в сторожа не нанмался!

– Ой! Молчи уже, – перебила его баба Люба. – То есть наоборот, говори давай, ты ж сказал, что знаешь, где его искать.

Игорь Алексеевич про себя негодовал, какая бесцеремонная особа оказалась эта Любовь Андреевна, а он повёлся на её голос в телефоне. Старая кляча, а туда же, командует!

Все смотрели на него – ну же, говори! Он отодвинулся от стены, пригладил волосы, приосанился и набрал в грудь воздуха.

– Значит, так!

Вместе с этими словами на кухне так загредел будильник, что народ в квартире вздрогнул, а бабушка помянула едрёну вошь и добавила: «Да чтоб тебя!» Мужчины улыбнулись.

– Полвосьмого, лекарство надо принять, – дед перекричал металлическую трель и заспешил на кухню. Остальные гуськом двинулись за ним.

– Присаживайтесь, – пригласил Игорь Алексеевич.

Служивые отказались, а Лёшка с бабушкой заняли стулья возле стола.

– Ба, ты как здесь оказалась? – шёпотом поинтересовался Лёша

– Поездом, как ещё-то, а ты? – так же шёпотом ответила баба Люба.

Лёха только покачал головой. Этого он никак не ожидал.

– Я первым автобусом. Как ты дошла? По дому еле ходишь, а до вокзала же далеко!

– Ой, Лёшенька, сама не поняла, как. Кошелёк схватила и помчалась.

– Это у вас адреналин поднялся, в критических ситуациях так бывает, – вмешался в разговор Игорь Алексеевич, запивая горсть таблеток.

Полицейский Каа напомнил им, что они ждут продолжения про Никиту. В конце концов, мальчик до сих пор неизвестно где.

– Да-да, – Игорь Алексеевич тоже присел и как мог кратко описал ситуацию с артистами и их поиском.

Лёшка сообразил первым и достал смартфон.

– Хештеги, говорите? Сейчас проверим, может, что новое узнаем.

Следом за ним телефоны достали все, кроме стариков. Любовь Андреевна не спускала взгляд с Лёшиного экрана и кляла себя за то, что не прихватила очки.

– Что там? – поинтересовался у неё Игорь Алексеевич.

– Мутно всё, не вижу.

– У меня плюс три, пойдёт? – спросил нумеролог, а сам уже потянулся к футляру на окне.

– Давайте, давайте, пойдёт, – она приладила очки на нос и опять уткнулась в телефон.

Начали делиться находками, кто, что увидел по теме «Кара-Курта». Дошли до клуба, а потом и до автовокзала. Тишину нарушили рации полицейских. Объявляли какой-то код в районе автовокзала «Сайран».

– Надо же, и тут про «Сайран», – прокомментировал вслух Игорь Алексеевич.

Все переглянулись. Совпадение? Из рации неслось про преследование группы молодёжи в чёрной одежде и несанкционированное сборище молодёжи на автобусной стоянке.

– Да-да, он был в чёрном, – хозяин квартиры повернулся к патрульным, ожидая, что они подтвердят его слова.

Те не заставили себя ждать.

– Похоже, ваш мальчик нашёлся.

– Ничего не похоже, – резко остановила его баба Люба и сунула ему в руки очки. – Откуда ему знать про ваш «Сайран»?

Спор прервал телефон Алексея.

– Тссс, – остановил он стариков, – начальник звонит. Да, Урал Сарсенович. Нашли? Он с вами? Где? На «Сайране»? – Игорь Алексеевич прошёлся победоносным взглядом по бабе Любе: а что я говорил?! – Да-да, я в Алматы, сейчас приеду. Спасибо вам огромное.

Лёха положил трубку и дословно повторил разговор, хотя все и так уже поняли, что к чему.

Представители власти официально взяли с хозяина квартиры объяснительную и на прощание убедительно попросили больше не нарушать закон, не препятствовать работе патрульно-постовой службы с указанием статей закона и мер наказания. Баба Люба с Лёхой ушли до этого, коротко попроцавшись сразу со всеми. Им было не до расшаркивания.

Глава 19. Мы обязательно прорвёмся

Арман и Питер над предложением Никиты думали недолго:

– Ты пойми, друг, мы не для того уходили от А. Б., чтобы отдаться в другие руки. Думаешь, папаша твоей подружки лучше его? Все они одинаковые – только бабло перед глазами. Нам деньги, конечно, тоже нужны, но мы хотим сами своими жизнями распорядиться. У нас есть талант – мы обязательно прорвёмся и найдём своё место в жизни.

– А как же я? Я же с вами хотел, – Никита так расстроился, что готов был зареветь.

– Так без проблем. Окончишь школу, найди нас, – Арман похлопал его по плечу. – Не вешай нос, ты, я смотрю, парень не промах, сработаемся.

Никитос улыбнулся. Ну да, я такой. Интересно, что на это Юленька скажет? Она так хотела быть девушкой «каракурта»... А другая? Неожиданно стало грустно. Вспомнилось – мы друзья, а не парочка. В животе заныла пустота, то ли от голода, то ли от тоски.

Начальник охраны вернулся к автобусу и громко объявил:

– Всех провожающих просят покинуть территорию автовокзала незамедлительно, к тем, кто останется, будут применены административные меры наказания.

Послышались недовольные возгласы.

Он обратился к артистам:

– Давайте, подействуйте, или все загремим под гребёнку. А ты, – он положил руку Никите на плечо, – пошли со мной. Его тут все обыскали, а он артистов сбежал провожать, ещё говорил, что не знает, где они.

– Я не знал, это правда. Мне в клубе охранник сказал...

– А, так это ты перед нами был?

– Да. Я видел, как вы приехали.

– Прыткий ты парень, однако, – усмехнулся начальник охраны и крепче сжал его руку.

Питер, как самый видный, а значит и самый убедительный представитель троицы, попросил всех разойтись. Фанаты загудели.

– Так нечестно, вы обещали фото с каждым, кто придёт в costume, и что это будет пропуском на ваши концерты.

Артисты переглянулись. Они придумали этот ход в ночном клубе – без свидетелей их бы сейчас просто погрузили и отвезли обратно, а так фанаты, сами того не зная, обеспечили им дорогу к свободе.

– Давайте сделаем общее фото, – Альбина и на этот раз выкрутилась из трудного положения, – я его выложу на своей странице, и каждый себя отметит. Вот ты, – она обратилась к своей копии, – сфотай нас, а потом скинь мне в директ. Сделаешь?

Девушка согласилась, и вся толпа пришла в движение, пристраиваясь вокруг певцов.

– Подождите, – Никита дёрнулся из руки начохра. – Можно и мне сфотографироваться? Я не убегу. Щелкнете на мой телефон? Он же у вас?

– Ну ты и наглец! Ты знаешь, что эта вся буча, – начальник кивнул головой на полицейские машины, – с тебя началась?

– Да? Я ж ничего не сделал.

– Ага, не сделал. Сбежал, а домой не явился. Твой брат всех на уши поставил.

– Чиииз, – скомандовала девушка толпе.

Никита в очередной раз метнулся в ту сторону, начальник ослабил хватку:
– Лан, иди.

Фанаты разошлись, полицейские машины включили сирены и, сделав проверочный круг вокруг автовокзала, отбыли восвояси. Объявили отправление. Артисты тепло попрощались с директором, Альбинка даже всплакнула. Никита был поражен, как Алик Барибасович смотрел вслед отъезжающему автобусу. У него опустились плечи, поникла голова, казалось, что он сейчас завоет-заскулит, как привязанная на цепь собака, когда хозяева уходят из дома.

Дежурный по автовокзалу отдавать Никиту в руки А. Б. и начальника охраны казино категорически отказался, только законным представителям. Но с них он потребовал объяснительные по сборищу молодежи в чёрном. Пока писали, обсуждали, приехали баба Люба и Алексей. Алексею тоже пришлось подписать бумаги, а баба Люба с охами и ахами осмотрела всего Никиту, а потом набросилась на А. Б. и начальника охраны. Как они посмели так поступить с ребёнком, запереть его и отобрать телефон! Пререкаться было бесполезно, и два мужика только хлопали глазами. Правда в её словах была, пацан мог попасть в беду. Дежурному полицейскому быстро надоела эта катавасия¹, и он попросил всех на выход.

Бабушка остыла. Она схватила Никиту за руку словно непослушного малыша. Слава Богу, нашёлся, жив и здоров! Лёха уже убежал к расписанию автобусов. Всем надо было возвращаться назад.

Урал Сарсенович первым сообразил, что семейку просто так отпускать нельзя, и попросил А. Б. довести всех до казино. Барибасыч просьбе не обрадовался, но согласился. Лучше выдать в свет историю, как он помог вернуть домой мальчика, который решил проводить солистов на конкурс, чем дать поползти слухам, что те с его помощью сбежали.

Никита отметил, что у него нарисовалось ещё одно везение – сейчас прокатится на лэндкрузере.

– Эх, парень! Сколько проблем я из-за тебя огрёл, – обернулся к ним Барибасыч.

– Да при чём здесь я! – дёрнулся Никита, но Лёха его придержал, мол, молчи, не рыпайся.

– Да-да, – продолжил А. Б., не оборачиваясь, – только после встречи с тобой у меня солистов не стало. С тебя теперь причитается. Слышал, ты в нашу группу хотел попасть, хорошо поёшь?

Никита в ответ протянул что-то похожее на «угу».

– Тогда беру тебя в состав, через год уже выступать будешь.

– Ишь чего надумал, – баба Люба грозно глянула на Барибасыча в зеркало заднего вида. – А меня не забыли спросить для начала?

Тот усмехнулся: видали бабуся и два серых гуся!

– Конечно, уважаемая, всё через вас, – прокричал он в ответ, – но парень должен понимать расклад. Группа – это труд и дисциплина. Больше никакие выкрутасы не пройдут. Сделаем из него новую звезду. Такой шанс редко кому выпадает, думайте, пока едем.

¹ Катавасия – церковное песнопение, название происходит от византийской практики спускаться певчим с обеих сторон клироса и сходится в центре храма для совместного песнопения. Здесь употреблено в переносном смысле – беспорядок, суматоха, неразбериха.

– Не надо, – тут же крикнул в ответ Никита.
Барибасыч развёл руками: дело ваше, я предложил.
Урал Сарсенович обернулся к Никите:

– Чего тебе не надо?

– Не надо из меня ничего делать. И в группу его не хочу. У вас там всё неправда, неправда! Я так не хочу! – и было непонятно, кричит он или рыдает, только после этого уткнулся Никита носом в окно да так и просидел до самого конца. Барышня-мадам прикатила чемодан, в чемодане сто рублей и коробочка соплей, нельзя смеяться и улыбаться, чёрный с белым не носить, «да» и «нет» не говорить. Вы поедете на бал? Нет. Я проиграл. Отстаньте все от меня.

Второе сентября было тоже по-летнему жарким. Везунчик Никита с братом и бабушкой ехал в шикарной тачке с кондёром по трассе Алматы – Капчагай и думал о том, что он самый несчастный человек на свете, и что всё было зря.

Барибасыч остановился перед парадным входом. К нему тут же выскочила тощая помощница и доложила, что вся группа самовольно ушла на море. Это была последней каплей. А. Б. на неё наорал и с проклятиями в адрес беглецов и всех остальных уродов удалился из виду. Помощница со словами: «Простите, я ничего не могла с ними сделать» хвостиком убежала за ним.

Баба Люба с удовольствием разглядывала казино. Красота-то какая! Вот, оказывается, где её мальчики работают. Её усадили в зале на первом этаже, а Алексея и Никиту начальник охраны позвал к себе для беседы. Разговор был недолгим. За то, чтобы не болтали лишнего и подтверждали благозвучную версию с побегом, им выплачивают материальное вознаграждение в ползарплаты, а за создание внештатной ситуации, дебош и нарушение субординации они оба уволены. Он позвонил в бухгалтерию, велел их рассчитать и вместо прощания пожелал им не попадаться ему на глаза.

Пока спускались до бабушки, Никита поинтересовался:

– Лёх, а про какой он дебош говорил и нарушение? Я ничего не устраивал.

– Это про меня. Я когда на ужине узнал, что тебя наверху заперли, всех раскидал, кто мне поперёк встал. А потом выяснилось, что тебя вообще здесь нет. Парни шепнули, ты сбежал и вроде в Алматы подался. Я Сарсенычу и позвонил. Сказал, что урою его, если с тобой что случится. Он быстро сориентировался, розыск организовал и здесь, и в Алмате. Вот сейчас за то «урою» мне обратка и прилетела, видать. Хотя... наверно, это правильно, он же начальник.

У Никиты лицо вытянулось от такой новости. Вот это Лёха даёт! Воображение нарисовало, как Халк идёт по коридору и раскидывает всех врагов, кто мешает ему добраться до цели. А это вовсе и не Халк, это его брат! Он тут же изобразил удары левой и правой. Так их, Лёха, гаси! Ух, как круто!

– Ты самый лучший брат на свете!

Лёшка улыбнулся краешком губ и похлопал Никиту по плечу, что означало: конечно, братишка, разве может быть иначе.

Глава 20. Самое правильное решение

Как же хорошо дома! Всем жутко хотелось есть. Вчерашний борщ залетел в них двойной порцией, а сверху ещё и котлетки с жареной картошкой легко зашли.

– Как жить-то теперь будем, а? Орлы вы мои... – бабушка разлила всем чай и ждала ответа.

– Лёха, прости, я не думал, что так выйдет, – откликнулся первым Никита, – я могу на рынок пойти работать.

– Нет уж. Давай на учёбу налегай, – отрезал брат. – Я думаю, надо нам на Алма-Ату курс держать. Я себе там что-нибудь присмотрю, а ты по квоте для сирот поступишь учиться в колледж, раз не захотел в артисты.

Никита вспыхнул.

– Правда, Никитушка, ты ж так мечтал как эти «Кара-Курты» быть. А чего отказался-то? – Бабуля и Лёха ждали ответа.

– Понимаете, они там как марионетки. Поют за еду и шмотки, и всё по команде Барибасыча. Я так не смогу. Мне воля нужна.

Лёшка с бабушкой так и открыли рты. Вот это он выдал! Никита их замешательства не заметил, он спешил выскользнуть из-за стола и позвонить своей девушке.

Юленька, как только поняла, что ей звонит Никита, затараторила без умолку. Там была и радость, и упрёки, и планы на будущее. Никите осталось только терпеливо всё это выслушать. Между тем, она сообщила, что её номер хотели обокрасть, к ней ночью залезли через балкон.

– Представляешь, я после вечеринки захожу, а там разбитое окно, повсюду стекло валяется. Папа всех на уши поставил! У них там такой бардак, начальника охраны нет, пришлось хозяина казино вызывать. Хорошо, что в номере ничего ценного не было. Но мы все равно с них моральную компенсацию стяжали.

– Это я, – Никита решил сразу признаться в том, что произошло. Так будет легче рассказать и всё остальное.

Юленька не сразу поняла, о чём он говорит. Что он такое несёт? Он разбил окно, совсем не «каракурт», живёт с бабкой и братом, встретил её и решил, что это его удача. Какой кошмар! А она ещё с ним при всех целовалась! Что? Он надеется, что это ничего не значит, и что её папа будет ему помогать? Бред!

Она орала на него как бешеная. Гадости неслись потоком, а последние её слова резанули сильнее ножа:

– Папа не раскручивает бомжей с провинции. Ты меня опозорил!

– Да пошла ты... – он первым нажал кнопку «Отбой» и упал на диван.

Какое-то время он просто лежал с закрытыми глазами. Было обидно. Он поверил её словам, что понравился ей просто так, сам по себе. Неужели все девчонки такие, любят только за что-то? Исчезнуть бы сейчас, перенестись на какой-нибудь необитаемый остров, и пусть всё катится к чёртовой матери!

Смартфон подал признаки жизни. Никита открыл уведомления. «Ваше фото оценили», «У вас новый друг», «Посмотрите наши рекомендации», «Вас отметили в статусе». Кто там ещё и что про него отметил?

Открылась страница в соцсети. С фотографии ему улыбалась Малышева Юлька. Никита пробежался глазами – имя, дата рождения, статус. После «статус» шло «в отношениях», а дальше стояло его имя – Никита Мальцев.

Значит, я для неё не просто друг?

Последний звонок – как последний час неволи. Никита с Юлькой стояли во второй шеренге. Никита вспомнил, как она его сто раз заставила сказать «снова в школу». Надо и сейчас чего-нибудь придумать, прямо здесь, на линейке, на фоне выпускников. Никита с завистью поглядывал на них. Всё, у

этих теперь другой отсчёт в жизни пошел, а ему ещё три года сюда дорожку топтать. Первого сентября он радовался тому, что ещё этот год и следующий, а дальше свободная птица, но потом в нём что-то перещёлкнуло. Это не потому, что Лёха дал команду учиться, а он сам так захотел. Он стал думать о том, как будет жить дальше. Получалось, что свободная птица не та, которая летает и делает, что хочет, а та, которой в этом мире доступно всё, что она хочет. У него желаний стало через край. Он решил, что будет учиться вести бизнес в Интернете. Сейчас вся жизнь там, и к этому прикладывается свобода. Как ни крути, а ему нужен хороший аттестат. Юлька, как боевая подруга, была рядом. С ней и уроки учить оказалось интереснее, а он её втайне от мамы брал на временные подработки. В звёзды эстрады он больше не метил, разве что те трое как-нибудь проявятся, но с сентября они нигде не засветились. А вот он покориł соцсети. Лёшка заснял его выступления в кафешке, так эти видосы набрали несколько тысяч просмотров.

После поздравлений с окончанием учебного года директриса толкнула бравую напутственную речь. Она начала с того, что их город теперь носит гордое имя бывшего руководителя страны, народного любимца Динмухамеда Кунаева. Это, по её мнению, должно повлиять на всех жителей, и в первую очередь, конечно, на них, на молодое поколение. Город назначен областным центром. Все ждут его преобразования. Настанет то время, когда к ним вернётся былое благополучие. Далее у неё ловко получилось перевести эту тему на значение хорошего образования, и что счастье и процветание у всех впереди.

Никита взял Юлю за руку и погладил её. Кому как, а вот он уже счастлив. От чувств он крепче сжал её ладонь, а она решила, что это знак ей и глянула на часы:

– Еще минут десять и надо идти.

– Куда это вы? Мы же хотели отметить, – тут же встрял бывший сосед по парте.

– В загс, – отрезал Никита.

Сосед от неожиданности выпучил глаза:

– Не понял. Вы чего, это самое...

Никита его оттолкнул:

– Ты идиот, что ли? Бабушка у меня замуж выходит.

Он вытащил Юльку из строя.

– Пошли, я хочу ещё бабушке цветы купить.

Свадьба бабы Любы – это самое невероятное событие в их маленькой семье.

На следующий день после того как они вернулись из Алматы, бабуля вдруг вспомнила несчастного нумеролога.

– Так нехорошо получилось! – сказала она Никите, – Я себе места не нахожу. Человек тебе помог, а тут и я, и полиция, столько ему беспокойства причинили. Надо хоть извиниться, поблагодарить.

Она ему позвонила. Игорь Алексеевич в начале разговора метался между «послать» и просто бросить трубку, но баба Люба пригрозила ему своей смертью от сердечного приступа и последующим явлением во снах.

– Будьте же человеком! – увещевала она его. – Простите меня за всё. Или мне придётся опять к вам приехать.

На этом месте Игорь Алексеевич сдался.

– Нет, только не это! – воскликнул он в сердцах, – Я принимаю ваши извинения, да, да. Всё. Зла и обиды не держу. Будьте здоровы и прощайте, – и он отключил телефон.

На следующий день уже ему стало неудобно за свою резкость, и он сам позвонил бабе Любе. Так, неожиданно даже для них самих, у них появилась привычка позванивать друг другу. В их разговорах были и рецепты разных блюд, и последние новости, и советы от недугов, но больше всего было воспоминаний об ушедшей эпохе, о времени, когда они были молодыми.

Перед Новым годом Игорь Алексеевич приехал к ним гости. Бабуля расстаралась, такой обед закатила! После они немного прогулялись в сторону моря, а когда вернулись, то обоим стало понятно, что их отношения перешли на новый уровень.

Ещё через месяц Игорь Алексеевич твёрдо решил жениться. Приехал на Восьмое марта и сделал предложение. Любовь Андреевна думала недолго. Замужем она не была, так почему бы и не попробовать. В честь помолвки жених пригласил всех в кафе, где Любовь Андреевна впервые попробовала настоящий гамбургер. Мнение на его счёт не изменилось: да, вкусно, но её бутерброды с котлеткой всё равно вкуснее.

Ровно насколько Никита и Лёша были рады такому повороту дел, настолько сын и невестка Игоря Алексеевича были против их союза. Старческая блажь и маразм – вот как они это называли, а баба Люба за глаза стала аферисткой. Игорь Алексеевич боролся за своё право быть счастливым. Он пошёл на хитрость. Договорился с невестой, что привезёт детей к ней познакомиться, а их уговорил съездить с визитом вежливости, пришлось даже прибегнуть к волшебной фразе: «Сын, ты меня уважаешь или нет?» Аккуратный домик с приличным участком, бабушкины шанежки и разносолы плюс перспектива проводить летние выходные на берегу моря поменяли отношение будущих родственников к свадьбе отца. В тот же день жених с невестой поехали подавать заявление на регистрацию брака. Вот так! Раньше они были все Мальцевы, а теперь их бабушка будет Головина Любовь Андреевна.

День свадьбы выпал на двадцать пятое мая, как раз когда проходит последняя линейка. Бабуля всё время до назначенного дня пошучивала, что главное – до этого дожить. Никита с Лёшкой успокаивали её, как могли. Надо же, у их бабушки настоящий предсвадебный мандраж! Утром она уехала в салон делать причёску, и братьям самим пришлось сообразить себе завтрак.

– Ты только в этот раз никуда не сбегай, – подначил Лёха Никиту.

– Я же не специально. И вообще, если бы я тогда не поехал в Алмату, никакой свадьбы сегодня бы и не было, – парировал Никита, дожёвывая бутерброд.

Лёшка хмыкнул. Ну да, может быть.

– Нет, я думаю, всё началось с нового смартфона. Я «Кара-Куртов» увидел, когда шёл и фотал всё подряд.

Лёха и на это покивал головой.

– А может, всё началось тогда, когда мы решили начать новую жизнь? – Никита заглянул ему в глаза.

– Я думаю, да! Это было самое правильное решение в нашей жизни, – наконец ответил старший брат. А Лёха просто так воздух не сотрясает.

Молодожёны, как и полагается, укатили в свадебное путешествие. Игорь Алексеевич предложил жене выбрать любое морское побережье, не глядя на цены и расстояния. Он уверял её, что всё потянет. Неизвестно, сколько жить осталось, надо радоваться каждому дню и молиться, чтобы людей всё так же интересовали их судьба и предназначение. Выбирать баба Люба не умела, но высказала пожелания, которые он передал турагенту: голубой залив, пальмы, до воды рукой подать, а с балкона любоваться, как солнце садится в

море. Всё это потом воплотилось в лучшем виде на турецком побережье. Им даже предоставили сопровождение и кресла-каталки!

Но до поездки на море они слетали к родителям невесты. Там Игорь Алексеевич не на шутку испугался, что овдовеет второй раз. Старикам было уже под девяносто, и они от радости так переволновались, что пришлось вызывать скорую, причем и его жене тоже.

Их можно понять. Последний раз они встречались на похоронах внучки и, положив руку на сердце, все понимали, что больше им не свидеться. А тут такая радость – дочь вышла замуж! Когда давление и сердцебиение привели в норму, тещь с тещей закатили пир. Созвали всех знакомых, друзей, коллег (жаль, не все были живы), само собой, соседей.

Вынесли столы во двор, соорудили лавки – в их маленьком городке ещё держались традиции минувших лет, кто-то пришел с баяном. Всё прошло в лучшем виде, как говорят, по-людски: вкусно поели – зять к домашним разносолам заказал шашлык и пироги, душевно попели и даже сплясали. Родители радовались. Настал тот день, когда они могли показать всему миру свою дочь с мужем! Дожили они, дождались её счастья, теперь и помирать не жалко.

И ещё немного про остальных.

Юленька «Кара-Куртов» больше не слушала. После разговора с Никитой по телефону у неё случилась истерика. Мама месяц отпаивала её успокоительным, водила к психологу, подолгу сидела с ней, обнимала, рассказывала, как сама влюблялась в её возрасте и как потом страдала. Когда-нибудь и ты научишься разбираться в людях, говорила она Юленьке, и встретишь того, кто достоин твоей любви, такого, как наш папа. Юленька внимала родительским наставлениям, ходила в школу и на все занятия, но утратила весёлый нрав. Всё исправил Марк.

У «Кара-Курта» и Барибасыча дела шли в гору. Они вышли на пик славы. Дорогие рестораны, казино, ночные клубы, круизные лайнеры – всем нужны были зажигательные ритмы и модная молодая группа, на которую слетались денежные клиенты.

Охранник из казино, которого Никита прозвал городовым, всё так же любил вздремнуть в обеденное время, а по вечерам послушать официантов, кому и на какую сумму в этот раз улыбнулась Фортуна. Везунчики, им бы так! Но рискнуть и поставить на кон зарплату за несколько месяцев никто из них не решался. Они точно знали, что Фортуна дарит улыбку одному-двум, к остальным она поворачивается задом и опустошает их карманы.

